

РЕФЛЕКСИЯ НАД ОТНОШЕНИЯМИ ПОКОЛЕНИЙ В ЛОКАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ЯПОНИИ

О.С. Новикова

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

ohayo.itsme@gmail.com

Статья написана в рамках исследования проблем самоидентификации в современном японском обществе, посвящена трансформации отношений между поколениями. Общество Японии рассматривается через категорию «гатэ-сякай» как определяющую структуру, формирующую основные установки сознания японцев и особенности процессов заимствования «иной» культуры.

Ключевые слова: отношение поколений, самоидентификация, семейнообразное общество, почитание старших.

Процессы глобализации, протекающие в современном обществе, характеризуются взаимодействием и переплетением экономических, социальных, культурных связей различных стран, что сильно меняет картину мира в восприятии каждого жителя. В этих условиях каждая нация дает свой ответ на вызовы глобализации, темпы которой набирают скорость. Если говорить о Японии, то там осуществляется коренное реформирование практически всех сфер жизни общества, и в этой связи можно говорить о новом, третьем после реформ, периоде Мэйдзи и преобразований после Второй мировой войны, периоде интенсивных трансформаций. Вызовы глобализации активно влияют на самоидентификацию населения страны. В данной работе автором осуществляется попытка проанализировать, как она влияет на отношения поколений в японском обществе, которые являются одним из столпов японского общества.

При анализе вопросов, связанных с идентификацией в японском обществе, важно иметь в виду особенности и специфику «национальной идеи», которая сильно повлияла на формирование «образа японца» в самой Японии. В ходе реформ реставрации Мэйдзи сложилась и стала одной из основ официальной идеологии концепция «кокутай» при внешней ориентации государственной политики на модели, предложенные Западом. Кокутай – специфически японская национально-государственная общность, объединяющая мир божеств ками и императора (первосвященника Синто и сакрального вождя), японский народ (потомков богини Аматэрасу) и Японские острова (творение божеств), мир живой Природы¹. Эта концепция легла в основу шовинистской и милитаристской политики правительства, буду-

¹ Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М.: Восточная литература, 1999.

чи изначально направленной на сохранение культурной самобытности в условиях коренных трансформаций общества. Второй этап модернизации Японии связан с поражением страны во Второй мировой войне в 1945 г., что нарушило естественный эволюционный характер модернизационного процесса и ускорило проведение решительных преобразований. В послевоенное время внимание сосредоточивалось на традиционных ценностях и общественных отношениях, которые сохранялись в повседневной жизни. Была предложена доктрина «теорий японца и японской культуры»², состоящая из *нихондзин-рон*, *нихонбунка-рон*, *нихон-рон*, *нихонсякай-рон* и др., связанная с рассмотрением культурно-исторических, социокультурных, психологических и поведенческих стереотипов и субстратов, характерных для японцев, которая знаменует собой существенный сдвиг в сфере общественного сознания. Утверждение «теорий» в качестве важного течения общественной мысли страны нашло свое отражение в провозглашении японскими теоретиками, а вслед за ними и зарубежными исследователями Японии наступления «бума теорий японца и японской культуры», во время которого в свет вышло множество исследований, посвященных японской уникальности. Выделяемые исследователями-японцами конструкты, такие как «самурайский кодекс», моральный долг «*гири*», «вежливая скромность», «*амаэ*», «обостренное любопытство», «гордость», «групповая логика» и т. п., приобрели дополнительное толкование. Они были призваны выявить и зафиксировать эмпирические психологические черты самой личности, а главное,

представить социальное видение японского общества через эти черты как основные характеристики, которые провозглашались как уникальные. Данные стереотипы и черты были наделены статусом сущностной основы японского общества: именно через них, по замыслу теоретиков, возможно понять и объяснить подлинный смысл политических, социальных, экономических, культурных и идеологических процессов в истории японского общества.

В соответствии с такими особенностями формирования национальной идеи социолог Тиэ Наканэ характеризует особенность устройства японского общества, а также поведение и отношения между членами этого общества в контексте термина «вертикальное общество» – *татэ-сякай*. Исключительно японское общество определяется «вертикальным», ведь все «упорядочены в убывающем порядке» – начиная с императора и кончая простым человеком, не занимающим никакой общественной позиции, и делятся по принципу социальной принадлежности, должности, пола и возраста³. К тому же, место в обществе строго определяет использование языка, этикета, одежды, и японец, начиная разговор, должен учитывать массу факторов: по признаку возраста собеседник может оказаться старше и, стало быть, выше говорящего; по признаку пола тот же собеседник, будучи женщиной, может оказаться ниже, если говорящий – мужчина; если собеседник является клиентом, обслуживаемым говорящим, он вновь оказывается выше говорящего, который является, например, продавцом, и т. д.

Основой такого «вертикального» традиционного общества японские социоло-

² Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Молодякова Э. В. – М.: АИРО–XXI, 2008.

³ Михалев А.А. Япония: социальная рефлексия в модернизированном обществе (50–70 гг. XX столетия). – М.: Водолей, 2001.

ги рассматривают *из* – «семью». Изначально это была «расширенная семья», состоящая из главной и боковых семей при существовании иерархических отношений между ними. Для *из* была характерна патриархальность и авторитарность семейнообразных отношений, выражающихся в покорности членов этой семьи ее главе и верности боковых семей главной семье. Эмоционально-психологическая цементация «расширенной семьи» базировалась на принципах солидарности всех ее членов и сыновней почтительности, освященной конфуцианской моралью⁴. Таким образом, *из* как институт связан с рядом правил, регулирующих нормы поведения его членов, один из которых является главой семьи, а все остальные соотносятся с ним в зависимости от их положения в *из*. В такой японской семье нет равных лиц по отношению к говорящему, иерархический признак может принимать лишь два значения: «высший» и «низший», и для установления внутрисемейного статуса самым важным является признак возраста. Безусловно, рассматривая институт *из*, нужно иметь в виду тот факт, что традиционная «расширенная семья» не существует в современном японском обществе, и, как правило, можно говорить лишь о «простой» нуклеарной семье. Но все же традиционные представления о семейной иерархии и отношениях между членами семьи гораздо менее подвержены переориентации на западный манер, нежели отношения между мужчиной и женщиной или отношения внутри группы, и являются важной характеристикой японского общества.

⁴ Пронников В.А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов Японцы (этнопсихологические очерки). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: Наука, 1985.

Спецификой отношений «старший–младший», определяющих взаимоотношения в семье⁵, а также и в традиционном японском обществе являлось то, что старшие члены семьи полностью определяли выбор ее младших членов. Высшие по определению – любые старшие члены семьи, включая старших братьев и сестер. Эта черта обычно перевешивает признак пола: мать оказывается высшей по отношению к сыну, а старшая сестра – обычно по отношению к младшему брату. Возраст важнее и образования, и социального положения: отец или старший брат остается высшим, хотя он может по этим параметрам отстать от сына или младшего брата. Исключение составляют отношения мужа и жены (муж всегда будет высшим, независимо от того, кто из них старше), а также отношения между поколениями. Так, дядя будет высшим по отношению к племяннику, хотя он может быть и моложе его. И если в европейских культурах не только мужа и жену, но и братьев и сестер относят к одному поколению, то в Японии это не так – в языке четко фиксируются разные обозначения родственников, которые отличаются по степени вежливости⁶.

Еще одной характерной чертой традиционного японского общества является то, что, начиная уже с семьи, всякая индивидуальность подавлялась, и во

⁵ Кошелев А.М. Внутренние факторы формирования японского социума // Путь Востока. Традиции освобождения. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium», СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. Выпуск 4.

⁶ Главева Д.Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия. – М.: Восточная литература, 2003.

главу угла были поставлены не интересы личности, а интересы клана, семьи. Наиболее очевидно это было проявлено в контексте подбора партнеров для брака: существовал (и до сих пор сохраняется) институт *миай* – брачных сговоров, когда жених и невеста подбираются с целью получения при заключении брачного союза некоторых выгод, а интересы самих молодых людей не учитывались совсем. Это было проявлением сыновнего долга перед родителями, так называемого *ко*, который должен быть исполнен даже если нужно смириться с родительской несправедливостью⁷. Именно этот аспект жизни *из* претерпел наибольшие трансформации в ходе модернизации, поскольку воспринимался реформаторами как пережиток, мешающий демократизации общества⁸.

Поскольку индивид получает представление о мире, об отношениях между людьми, прежде всего в процессе воспитания в лоне семьи, то модели традиционного общества, прочно укорененные в культуре и сознании японцев, даже при сильных внешних преобразованиях общества сохраняются практически неизменными. В традиционном японском обществе все отношения между людьми строились на основе большой разновидности всевозможных долгов – *гиму* и *гири*, но в эпоху глобализации эти цементирующие общество обязательства теряют свою значимость для молодого поколения, поскольку очень уж сильно отличаются от установок западного общества, модели которого являются сейчас образ-

цом. Модель воспитания, базирующаяся на механическом заучивании, повторении, что раньше позволяло успешно обучать молодое поколение четко фиксированным нормам поведения, правилам социальных коммуникаций, в современном обществе утрачивает те самые основы, которые транслируют ценности японского общества. Самый простой пример – это поддерживающая иерархию система поклонов или использование вежливых эквивалентов при обращении к старшим, учителям и т. п., которым не уделяется столько внимания, сколько раньше. Собственно говоря, то, что такие лежащие в основе воспитания социально-психологические установки не воспринимаются молодым поколением в силу их довольно сильного диссонанса с установками глубоко проникшей в японское общество западной культуры⁹, и есть, пожалуй, то, что сильно беспокоит пожилых японцев, воспитанных в духе «теорий японца и японской культуры».

Однако если в семье до сих пор все же сохраняется иерархия, при которой хотя бы формально поддерживаются нормы общения, что особенно проявляется в отношениях «старший–младший», то если говорить об уважительном отношении к пожилым людям вообще, можно отметить, например, явную тенденцию к игнорированию их присутствия в крупных городах или, возможно, восприятию их как равных, полноценных членов общества. Это проявляется, например, в обстановке общественного транспорта – несмотря на то что существуют специальные места для пассажиров (пожилых, беременных и пассажиров с

⁷ Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. – СПб.: Наука, 2007.

⁸ Ишикава А. Эволюция концепций и практики модернизации в Японии / Проблемы теории и практики управления, 2003. – № 1.

⁹ Мигунова С.А. Японская социология и проблема идентичности в японском обществе. – Социс, 2010. – № 4.

детьми), уступит место пожилому человеку, пожалуй, только подросток. Это можно объяснить разными причинами. С одной стороны, во всех странах мира в крупных городах люди отчуждены друг от друга и не проявляют внимания и участия друг к другу, но, кроме этого, существуют стереотипы поведения: японцы обычно стараются не привлекать к себе внимания, не любят ставить других в затруднительное положение, в японском обществе отсутствует то, что принято называть «джентльменский набор», зато нормой является равнодушие к «чужим» (также на это влияет и чрезмерная переполненность общественного транспорта в часы пик). Но можно отметить также и то, что не в мегаполисах эта тенденция гораздо меньше проявлена. Если обращаться к тому же примеру, то даже в часы пик люди могут оставлять специальные места в транспорте не занятыми, будучи более приверженными традиционным установкам или просто стесняясь занять «неподобающее место».

На официальном государственном уровне в Японии уважение к пожилым людям четко выражено – есть государственные праздники, например «День почитания старости», проводимый в третий понедельник сентября, когда все благодарят пожилых людей, которые на протяжении своих лет работали во благо страны; развивается сектор услуг, направленных на обеспечение нужд пожилых людей.

Вместе с заботой о пожилых правительство стремится уделять внимание и формированию поколения, способного конкурировать на международной арене, и современной задачей является создание нового типа общества, в основе которого нелиберальные установки, несвойственные традиционному японскому сообществу¹⁰.

Предпринимаются меры для укрепления национального самосознания, воспитания уважения к истории, корням, традициям народа и воспитания в молодежи качеств, которые являются необходимыми для формирования нового типа личности, гордящегося своей страной и ее историей и готового ответить на вызовы времени.

Однако пока даже восприимчивая к новому молодежь не справляется с поставленной задачей. Это видно на примере таких явлений, как появление так называемых *парасайто-сингуру* («паразитирующих одиночек») – молодых людей, которые нигде не работают и живут вместе с родителями, и нашли только такое место для себя в обществе, а также *хикико-мори* («затворников») – тех, кто совсем не может найти для себя подходящего места и просто прекращает практически все социальные контакты. Причинами их появления являются как экономические факторы, так и социально-психологические, более или менее выраженные от случая к случаю. Эти случаи можно отнести скорее к негативной самоидентификации, но есть такие особенности самовыражения, которые проявляются в современном японском обществе с позитивной самоидентификацией, которая, в общем, сводится к заявлению «я – молодой»¹¹. Например, когда молодежь создает понятные лишь им одним слова, письменность, или юноши и девушки принимают образы персонажей (так называемый *косплэй*),

¹⁰ Карелова Л.Б., Чугров С.В. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов. – Вопросы философии, 2009. – № 7.

¹¹ Hamada Y. Reconsidering «post-identity» theories // Hiroshima journal of international studies, 2010. – Vol. 16.

или все время ходят в медицинских масках (*датэ*).

Что касается других общественных тенденций, то одна из самых явных, и более всего беспокоящих, – это, конечно, стремительное старение общества, вследствие которого увеличивается груз забот о пожилых членах семьи и множество других сопутствующих проблем. Пожилые японцы в основном имеют вид бодрых и вполне функциональных членов общества, поэтому не имеют имиджа «беспольных». Известен, например, факт того, что группа японских пенсионеров обратилась с просьбой отправить их на ликвидацию аварии станции «Фукусима» вместо молодых, объясняя это тем, что они по причине возраста просто не доживут до того времени, когда облучение могло бы привести к смерти. Стариками сейчас являются представители поколения войны, которые, с одной стороны, связаны с дискредитацией Японии в глазах мирового сообщества (но это касается, прежде всего, военного руководства), с другой стороны, это те, чей труд лег в основу высоких темпов экономического роста. В связи с этим молодому поколению есть за что уважать, ценить и быть благодарными. Тем более что, имея достаточные средства, японские пенсионеры стараются баловать своих внуков.

Есть и другая сторона. В качестве примера того, какие формы иногда принимает отношение к старшим членам семьи, можно привести взволновавший все общество факт: было обнаружено, что некоторое количество семей на протяжении нескольких лет хранило в доме умерших стариков-долгожителей, получая при этом положенные им достаточно внушительные денежные выплаты. Вскрылось

это, когда социальные работники, обеспеченные тем, что 100-летние старики в течение нескольких лет не посещали медицинские учреждения, пришли к ним домой. Безусловно, это можно объяснить лишь нежеланием лишиться дополнительного дохода, но сложно понять с точки зрения «выплаты *ко* перед родителями».

Отмеченные трансформации отражаются в языке, который как для носителя языка, так и для исследователя выступает в качестве лакмусовой бумажки. Традиционно к людям старшим по возрасту в японском обществе относятся с уважением, которое наиболее четко фиксируется в языке. Уважительное отношение проявляется в том, что используются формы, обозначающие уважительное отношение говорящего к собеседнику (*адессив*) или к лицу, о котором идет речь (*гоноратив*). Употребление *адессивных* форм обязательно, с точки зрения норм японского языка, в разговоре с лицами, рассматриваемыми как старшие¹². Ярким примером этого является то, что в разговорах между старшим – *сэмпай* и младшим – *кохай*, даже если разница составляет всего год-два, *кохай* всегда использует вежливые формы *адессива*. Перед японцем в повседневном общении часто стоит сложный выбор правильного уровня вежливости, и при выделении трех основных социальных правил именно более старший возраст собеседника является самым очевидным фактором для говорящего. Как правило, при разговоре людей разного возраста старший из собеседников может позволить себе нейтральный стиль речи, в то время как младший использует вежливые словоформы. Мужчи-

¹² Алпатов В.М. Япония: язык и культура. – М.: Муравей, 2002.

ны в выборе уровня вежливости большее значение придают возрасту собеседника, в то время как женщины в большей мере ориентируются на степень родства. Однако можно отметить, что в последнее время уже не так строго выдерживаются возрастные различия. Уже начиная с 1955–1965 гг., традиционные правила обращения к старшим членам семьи перестали быть обязательными, и в современной семье все зависит от того, в какую сторону при воспитании детей качнется маятник – в сторону «демократичного» Запада или в сторону достаточно глубоко укорененной в сознании конфуцианской этики. Но постепенно это выходит за рамки семьи, и нормы, характерные для языка при обращении к старшим, постепенно теряют свою значимость.

В заключение хотелось бы отметить, что большая часть элементов культуры, считающихся символами Японии, – это умелое заимствование. Поэтому особенно интересно, как видоизменяется и усовершенствуются западные элементы культуры в японском обществе и какой станет самоидентификация его членов. Процесс этот уже активно развивается и демонстрирует те проявления глобализационных процессов, которые мы видим и в большинстве других стран мира. Можно сказать, что правы те исследователи, которые отмечают, что глобализация приводит к разрушению национальных границ, суверенитета и к формированию новой глобальной общности, и, возможно, придется учиться у японцев тому, как приобрести новое, не теряя старого. Концепции национального самосознания сформировали идеальный образ японцев и японской культуры, опираясь на одну из базовых идей об ис-

ключительности японской нации и мнение о том, что она пример для подражания. На фоне глобализационных процессов, а зачастую явной «американизации», говорят и о «японизации», особенно в странах Азии, хоть это, конечно, достаточно условно. Это происходит во многом благодаря активным действиям государственного аппарата и различных фондов, которые имеют массу различных программ, способствующих сохранению и продвижению, в том числе и традиционной культуры страны. Для исследователей Япония интересна, прежде всего, тем, что японское общество способно умело заимствовать лучшее и подходящее для себя в другой культуре, что обозначают в последнее время термином «глокализация», т. е. синтез модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, который происходит при взаимообогащении культур. Результатом интеграции является трансформация заимствованного таким образом, что от оригинала остается его форма, а содержание меняется в соответствии с нормами и стандартами японской культуры. Взаимодействие японских культурных элементов с не-японскими является основным ответом на глобальные воздействия.

Литература

- Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. – М.: Муравей, 2002. – 224 с.
- Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры. – СПб.: Наука, 2007. – 360 с.
- Биричевская О.Ю.* Массовая культура России и Японии: сравнительный ценностно-смысловой анализ. – Вестник ТГПУ. Серия

«Гуманитарные науки». – 2006. – Выпуск 7 (58). – С. 87–92.

Главева Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. – М.: Восточная литература, 2003. – 264 с.

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Молодякова Э.В. – М.: АИРО–XXI, 2008. – 308 с.

Ишикава А. Эволюция концепций и практики модернизации в Японии / Проблемы теории и практики управления. – 2003. – № 1. Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/10_1_03.htm

Карелова Л.Б. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов // Вопросы философии. – М.: Наука, 2009. – № 7. – С. 44–54.

Кошелев А.М. Внутренние факторы формирования японского социума/ Путь Востока. Традиции освобождения. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Се-

рия «Symposium». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. – Выпуск 4. – С. 114–120.

Митупова С.А. Японская социология и проблема идентичности в японском обществе. – М.: Социс, 2010. – № 4. – С. 113–121.

Михалев А.А. Япония: социальная рефлексия в модернизированном обществе (50–70-е гг. XX столетия) // М.: Водолей, 2001. – 160 с.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М.: Восточная литература, 1999. – 319 с.

Пронников В.А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. Японцы (этнопсихологические очерки). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: Наука, 1985. – 348 с.

На японском языке:

Hamada Y. Reconsidering «post-identity» theories // Hiroshima journal of international studies, 2010. – Vol. 16. P. 67–79.